

Научная статья

УДК 81'27: 811.511.13

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17101>

EDN: <https://elibrary/PWBLJO>

ИНДЕКС ВИТАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА: МОДЕЛИРОВАНИЕ И АПРОБАЦИЯ

Е.В. Ерофеева , А.М. Тюленёва

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Российская Федерация

 elenerofee@gmail.com

Аннотация. Витальность, или жизнеспособность, языка обеспечивается совокупностью объективных и субъективных компонентов языковой ситуации и может быть определена как оценка функционального статуса языка в настоящее время и определенный прогноз относительно его использования в будущем. Оценочный и прогностический характер языковой витальности предполагает использование инструментов для установления ее уровня. В статье в качестве такого инструмента предлагается вариант индекса языковой витальности, учитывающий уровень владения языком, его использование в семейном и внесемейном общении, межпоколенческую передачу языка, уровень языковой лояльности его носителей, а также коэффициент снижения численности носителей. Аprobация предложенного индекса проводится как определение актуального уровня витальности коми-пермяцкого языка. Коми-пермяцкий язык считается находящимся под угрозой исчезновения, что требует регулярного отслеживания его состояния. Предложенный индекс является удобным инструментом для этой цели. Данные, необходимые для вычисления индекса, были получены в результате анкетирования 87 коми-пермяков, проведенного в 2023–2024 гг. Анализ демографических данных и ответов информантов позволил установить, что в настоящее время индекс языковой витальности коми-пермяцкого языка составляет 31,7, что указывает на низкий уровень витальности. Данная оценка совпадает с оценками витальности, проведенными качественными методами, что подтверждает валидность индекса, однако индекс является более точным инструментом и определяет уровень витальности не интервально, а точно. Кроме того, значения частных индексов, входящих в состав основного, показывают, что уязвимыми оказываются как объективные (функциональный статус коми-пермяцкого языка), так и субъективные (языковая лояльность носителей) компоненты языковой ситуации, что может подтолкнуть язык к ситуации языкового сдвига.

Ключевые слова: языковая ситуация, объективные компоненты, субъективные компоненты, языковая витальность, индекс языковой витальности, частные индексы, коми-пермяцкий язык.

Для цитирования: Ерофеева Е.В., Тюленёва А.М. Индекс витальности языка: моделирование и апробация // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 1. С. 7–23. DOI: 10.18721/JHSS.17101

LANGUAGE VITALITY INDEX: MODELING AND TESTING

E.V. Erofeeva , A.M. Tyuleneva

Perm State University, Perm, Russian Federation

 elenerofee@gmail.com

Abstract. Language vitality, or viability, is determined by a combination of objective and subjective components of a linguistic situation and may be defined as an assessment of a language's current functional status as well as a certain forecast regarding its use in the future. The evaluative and predictive nature of language vitality necessitates the use of tools to determine its level. This article proposes a version of a language vitality index designed for this purpose. The index incorporates such parameters as language proficiency, its use in family and non-family communication, intergenerational language transmission, speakers' language loyalty, and the rate of decline in the number of speakers. The proposed index is being tested to determine the current level of vitality of the Komi-Permyak language. This language is classified as endangered, which requires regular monitoring of its state. The proposed index provides a practical instrument for this task. The data required to calculate the index were obtained from a survey conducted in 2023–2024 among 87 Komi-Permyak respondents. An analysis of demographic data and informants' responses shows that the current vitality index of the Komi-Permyak language is 31.7, indicating a low level of vitality. This assessment coincides with vitality assessments obtained using qualitative methods, which confirms the validity of the index; however, the index is a more precise tool and determines the level of vitality not at intervals, but at points. In addition, the values of the component indices demonstrate that both objective (the functional status of the Komi-Permyak language) and subjective (speakers' language loyalty) components of the linguistic situation are vulnerable, which may push the language towards a language shift situation.

Keywords: linguistic situation, objective components, subjective components, language vitality, language vitality index, partial indices, Komi-Permyak language.

Citation: Erofeeva E.V., Tyuleneva A.M. Language Vitality Index: Modeling and Testing, *Terra Linguistica*, 17 (1) (2026) 7–23. DOI: 10.18721/JHSS.17101

Введение

Витальность, или жизнеспособность, языка трактуется как «способность языка к дальнейшему развитию, изменению или сохранению структурных и, главным образом, функциональных качеств»¹, однако в настоящее время подчеркивается, что лингвистическая витальность в большей степени зависит от функциональных, а не от структурных качеств языка [1, 2] и в целом может быть определена как оценка функционального статуса языка в настоящее время и определенный прогноз относительно его использования в будущем. Оценка витальности языка является непростой задачей, имеющей крайне важное практическое значение для определения перспектив функционирования языков и разработки программ их ревитализации [2, 3]. Оценочный и прогностический характер языковой витальности предполагает использование определенных инструментов для установления ее уровня. В настоящее время наиболее популярными являются два инструмента — шкалы и индексы; каждый из методов имеет свои преимущества и ограничения. Шкалы оценивают языковую витальность интервально, в то время как индексы дают четкую количественную оценку уровня витальности, что позволяет использовать их как более точный инструмент при отслеживании изменений в этой области.

¹ Язык и общество: Энциклопедия / гл. ред. В.Ю. Михальченко. М.: Азбуковник, 2016. С. 106.

Языковая витальность обусловлена совокупностью факторов языковой ситуации, однако далеко не все факторы обычно используются для оценки уровня витальности языка. В настоящей статье предлагается модификация индекса витальности Г. Экстра и его соавторов [4, 5]; в предлагаемую автором статьи модификацию индекса вводится больше разнообразных компонентов (объективных и субъективных), а также включаются демографические данные. Таким образом, целью статьи является представление модели индекса витальности языка. Однако любая модель должна быть проверена на эмпирическом материале. В данном случае апробация предлагаемого индекса проводилась на материале коми-пермяцкого языка², который в настоящее время оценивается как язык, находящийся под угрозой [6, 7]. Ставилась задача проверить, будет ли предложенный индекс адекватно оценивать современное состояние коми-пермяцкого языка. Апробация индекса проводилась на основании результатов анкетирования (анкета разработана авторами статьи), проведенного среди носителей коми-пермяцкого языка.

Факторы, формирующие языковую витальность

Витальность языка обеспечивается совокупностью объективных и субъективных факторов языковой ситуации, которые так или иначе, с нашей точки зрения, должны учитываться при моделировании индекса витальности языка.

Объективные факторы витальности фиксируют оценку реальных структурных и функциональных качеств языка. Витальность языка связана прежде всего с такими объективными факторами, как мощь языка (количество его носителей), его правовой и функциональный статус, т.е. степень использования языка в различных сферах коммуникации и разных социальных контекстах [8–10]. Чем в большем количестве сфер и ситуаций будет использован язык, тем большим уровнем витальности он будет обладать; закрепленный правовой статус языка расширяет внесемейное общение и способствует продвижению языка в сферах образования и культуры. Для сохранения языка также крайне важна его межпоколенческая передача [2, 9], что обеспечивается коммуникацией между разными поколениями в семейном общении.

Не менее важную роль в формировании языковой витальности играют и субъективные факторы, которые представляют собой сформированное у носителей языка отношение к используемому языку, осознание ими своей идентичности и ценности принадлежности к данной этнолингвистической группе [8, 10–12]. Языковая витальность рассматривается в некотором смысле как функция ценностей, идентичностей и отношений в определенном языковом сообществе [13].

Список факторов, которые оказывают влияние на уровень витальности языка, предложенных в вышеназванных работах, а также в [6, 11, 14–17], весьма велик; приведем наиболее важные, работающие в разнообразных языковых ситуациях:

- 1) численность говорящих на языке и динамика данной численности;
- 2) доля носителей языка в общей численности населения;
- 3) уровень функциональной развитости языка;
- 4) государственная языковая политика;
- 5) интенсивность применения языка в разных сферах общения (образовании, производстве, административной деятельности, религии, социально-политической сфере, науке, массовой коммуникации и др.);
- 6) степень владения языком разными возрастными группами, в том числе младшим поколением;
- 7) использование языка в дошкольных учреждениях и преподавание языка в школе;
- 8) собственно лингвистические параметры и наличие/отсутствие письменности;

² Коми-пермяцкий язык относится к пермской группе финно-угорских языков, с типологической точки зрения относится к агглютинативным с выраженными чертами флективности. Распространен в основном на территории Коми-Пермяцкого округа (Пермский край), а также на северо-востоке Кировской области.

- 9) этнолингвистическая идентичность группы и эмоциональная привязанность к группе;
- 10) отношение членов этнической группы к языку.

Безусловно, невозможно рассматривать объективные и субъективные компоненты изолированно. Объективные факторы оказывают влияние на отношение к языку, которое определяет языковую лояльность этнолингвистической группы – оценку членами языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, приверженность ему [18–20]. С другой стороны, языковая лояльность, будучи интегральной совокупностью субъективных представлений носителей о родном языке, сама является одним из компонентов витальности языка: высокая степень языковой лояльности у носителей может приводить к увеличению функциональной мощности родного языка, а низкая – к отказу от него в пользу доминирующего языка.

Шкалы и индексы витальности языка как инструменты ее оценки

Традиционными инструментами оценки уровня витальности являются шкалы и индексы.

Шкалы витальности представляют собой иерархизированные описания функционирования языка в разных коммуникативных сферах, учитывающие также количество и долю говорящих на языке, использование языка разными поколениями, межпоколенческую передачу, ассоциацию языка с этнической идентичностью, т.е. разнообразные факторы языковой витальности, о которых говорилось выше. Наиболее известными шкалами являются шкалы языковой витальности ЮНЕСКО [6], Краусса [21], EGIDS (Expanded Graded Intergenerational Disruption Scale) [22], EICat (Catalogue of Endangered Languages) [23], шкала Института языкознания РАН [7] и др. Шкалы являются общепринятым инструментом, однако они определяют степень витальности достаточно общо, помещая в одну категорию языки, находящиеся в разных условиях и имеющие разные перспективы.

Помимо шкал, применяются также различные индексы витальности, оценивающие ее в численных показателях, что позволяет разместить языки не на дискретной шкале, а на континуальной оси уровней витальности. Наиболее известными индексами являются LEI (Language Endangered Index) [24], применяемый для шкалы EICat, и LVI (Language Vitality Index), разработанный Г. Экстра и его соавторами [4, 25]. Последний индекс использовался в большом количестве работ, в основном посвященных изучению языков мигрантов в Европе [25, 26].

Несмотря на широкое применение шкал и индексов, в современных работах, изучающих языковые ситуации и витальность языковых меньшинств в разных странах, указывается, что во многих случаях требуется проверка и уточнение существующих инструментов оценки витальности применительно к конкретным ситуациям (см. например, [2, 27]).

Модификация индекса языковой витальности Г. Экстра

За основу оценки витальности в настоящей работе был взят индекс языковой витальности (LVI) Г. Экстра, который формируется на базе оценок параметров языковой ситуации и, соответственно, рассчитывается на базе четырех частных индексов, связанных с учитываемыми параметрами [5, с. 149]:

- 1) индекс языковой способности (I_{prof}) характеризует степень понимания языка;
- 2) индекс языкового выбора (I_{ch}) определяет степень распространенности языка при общении с матерью;
- 3) индекс языкового доминирования (I_{dom}) демонстрирует, какая часть носителей миноритарного языка владеет родным для них языком, отличным от доминирующего;
- 4) индекс языкового предпочтения (I_{pref}) определяет, как часто при общении предпочтение отдается недоминирующему языку.

Итоговый индекс витальности языка (LVI) выводится как среднее арифметическое четырех частных индексов, так как «LVI является индексом, основанным на ценностях, в том смысле,

что выбранные параметры с выбранными операционализациями имеют одинаковый вес» [30, с. 149]:

$$LVI = \frac{I_{prof} + I_{ch} + I_{dom} + I_{pref}}{4}.$$

Несмотря на широкое применение данного индекса, считаем, что он требует доработки и модификации за счет большей детализации. Так, в формуле *LVI* учитываются активное и пассивное владение языком и ситуация общения с матерью, однако не учтены такие важные для функционирования языка параметры, как демографические данные, межпоколенческая передача, общение с разными членами семьи, коммуникация в разных функциональных сферах, а также уровень языковой лояльности группы, которые, безусловно, влияют на уровень витальности языка. Поэтому взятая за основу формула Г. Экстра была нами пересмотрена и модифицирована за счет включения большего количества факторов языковой ситуации (рис. 1).

С точки зрения оценки витальности языка необходимо учитывать объективные характеристики использования языка, т.е. его функциональный статус. По мнению О.А. Казакевич и ее соавторов, при «определении языковой витальности первоочередное внимание должно уделяться именно функциональным характеристикам: межпоколенческой передаче языка и тем сферам, в которых язык продолжает активно употребляться...» [2, с. 11]. Указанные исследователями функциональные характеристики языка являются важнейшими показателями витальности. Таким образом, определение функционального статуса основывается, с нашей точки зрения, на оценках: 1) уровня владения языком (индекс языкового доминирования); 2) функционирования языка в семейной (использование с родителями и разными поколениями родственников) и внесемейных сферах (при коммуникации в публично-правовом пространстве); 3) межпоколенческой передачи языка. Кроме этого, учитываются субъективные оценки ценности и престижности языка, которые определяют языковую лояльность его носителей, так как «снижение субъективной витальности влечет за собой угрозу объективной витальности, вне зависимости от того, что вызвало это снижение: реальные события, снижающие уровень витальности, или же ущерб престижу» [28, с. 147].

Индексы, которые соответствуют каждому из этих параметров, следующие:

1. **Индекс языкового доминирования** (I_{dom}) отражает долю информантов, которые хорошо владеют языком, при этом учитывается не только понимание, но и активное владение.

2. **Индекс языкового выбора** (I_{ch}) характеризует доли использования языка в ситуациях общения в семье не только с матерью, но с обоими родителями. Г. Экстра и К. Ягмур предлагали индекс с учетом изучения турецкого языка в Европе в ситуации, в которой матери традиционно выполняют роль хранительницы домашнего очага и часто не работают. В большинстве случаев в России оба родителя выполняют схожие семейные и социальные роли, поэтому необходимо учитывать обоих родителей.

3. **Индекс языкового разнообразия** (I_{var}) фиксирует долю использования языка в бытовой сфере (общение с членами семьи). В предложенной Г. Экстра и К. Ягмуром методологии отмечается, что важно учитывать языки, которые используются индивидом в бытовой сфере вместо языка, доминирующего в обществе или в дополнении к нему, однако в качестве индекса этот параметр не использовался. В данном случае он вводится как частный индекс, отражающий долю информантов, которые общаются на исследуемом языке со старшими и младшими членами семьи. Миноритарный языки часто наиболее активны именно в семейной сфере, и в России могут доминировать в этой сфере над русским языком или использоваться наравне с ним.

4. **Индекс языкового предпочтения** (I_{pref}) отражает долю функционирования и использования языка в ключевых сферах – культуре, СМИ, при обращении в органы государственной власти.

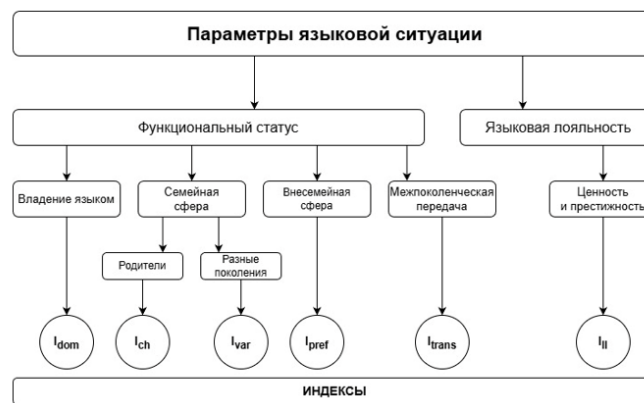

Рис. 1. Составляющие индекса vitalityности

Fig. 1. Components of the vitality index

5. **Индекс языковой преемственности** (I_{trans}) определяет долю носителей языка, выражающих готовность к его передаче подрастающему поколению.

6. **Индекс языковой лояльности** (I_{ll}) обобщает оценки информантов ценности и престижности языка, а также долю информантов, выбравших язык в качестве родного.

Соответственно, индекс vitalityности языка рассчитывается как среднее от всех полученных индексов по следующей формуле:

$$LVI = \frac{I_{dom} + I_{ch} + I_{var} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6}.$$

Однако предложенный вариант индекса vitalityности все еще не учитывает демографические данные. Для этого предлагается ввести коэффициент сокращения численности носителей языка (k), который равен среднему линейному коэффициенту изменения количества носителей языка за определенный период времени.

Таким образом, индекс vitalityности языка с поправкой на коэффициент сокращения численности носителей рассчитывается следующим образом:

$$LVI = \frac{I_{dom} + I_{ch} + I_{var} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6} \times k.$$

Для интерпретации значений индекса vitalityности языка необходимо на основе его значений установить шкалу vitalityности языка, дополняющую точное значение индекса категориальной интерпретацией. Предлагается ввести следующую шкалу vitalityности языка (табл. 1).

Таблица 1. Шкала витальности языка, %
Table 1. Language vitality scale, %

Значение индекса	Степень витальности	Характеристика
< 20	Крайне низкая	Язык находится на грани языкового сдвига; количество носителей быстро сокращается, отмечается низкая или крайне низкая степень языковой лояльности.
21–40	Низкая	Язык исключен из публично-правового пространства, обслуживает только сферу семейно-бытового общения; количество носителей заметно сокращается, отмечается средняя или низкая степень языковой лояльности.
41–60	Средняя	Язык используется преимущественно в бытовой сфере, может использоваться в публично-правовой сфере и в сфере культуры в ограниченном формате, по сравнению с доминирующим языком: количество носителей стабильно или медленно сокращается, отмечается средняя степень языковой лояльности.
61–80	Устойчивая	Язык активно используется в публично-правовом пространстве и в сфере культуры, однако доминирующее положение занимает государственный язык; количество носителей стабильно, отмечается высокая или средняя степень языковой лояльности.
> 81	Высокая	Язык обладает высокой функциональной мощностью, используется наравне с государственным языком; количество носителей стабильно или растет, отмечается высокая степень языковой лояльности.

Коми-пермяцкий язык как объект исследования

Языковая ситуация, в которой существует коми-пермяцкий язык, неоднозначна. С одной стороны, данный язык в Коми-Пермяцком округе, входящем в состав Пермского края³, имеет статус официального и используется на территории округа в делопроизводстве, образовании (школьном и среднем специальном), культуре, СМИ. Министерством по делам Коми-Пермяцкого округа при Правительстве Пермского края предпринимаются все доступные для данного ведомства меры для защиты и сохранения культуры и языка коми-пермяков: реализуются этнокультурные проекты, мероприятия, оказывается поддержка местным СМИ, национальному театру, образованию на коми-пермяцком языке. С другой стороны, несмотря на все эти усилия, за последние годы наблюдается резкое сокращение численности носителей коми-пермяцкого языка, уменьшение количества школьников, изучающих язык, отмечается недостаточность культурного и новостного контента на коми-пермяцком языке.

Так, численность коми-пермяков в Пермском крае в 2002 г. составляла 103 505 чел., в 2010 г. – 81 049 чел., в 2020 г. – 50 163 чел. При этом количество тех, кто указал коми-пермяцкий язык в качестве родного, в 2010 г. составило 53 028 чел., а в 2020 г. – 36 716 чел.⁴ Таким образом, за

³ В Уставе Пермского края от 2007 г. зафиксировано положение об обеспечении сохранения этнической идентичности коми-пермяцкого народа (статья 42): «...Органы государственной власти Пермского края создают условия для сохранения и развития языка, духовной культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа. 2. В официальных сферах общения на территории Коми-Пермяцкого округа наряду с русским может использоваться коми-пермяцкий язык» (Устав Пермского края. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=155030054&backlink=1&&nd=155020498> (дата обращения: 20.12.2025)). В составе краевого правительства учреждено Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа, деятельность которого направлена в том числе на создание условий для сохранения, развития и популяризации коми-пермяцкого языка, национальной (духовной) культуры и иных составляющих этнической самобытности коми-пермяцкого народа (Постановление Правительства Пермского края. URL: <https://docs.cntd.ru/document/494903797> (дата обращения: 20.12.2025)). Учреждено также Государственное краевое бюджетное учреждение культуры «Коми-Пермяцкий этнокультурный центр», основной миссией которого является сохранение и возрождение материального и духовного культурного наследия коми-пермяков, популяризация и развитие национальных традиций. Центр проводит различные конкурсы, фестивали и праздники, посвященные коми-пермяцкой культуре и языку, издает книги коми-пермяцких писателей и т.п. (Коми-Пермяцкий этнокультурный центр. URL: <http://etnokpo.ru/center> (дата обращения: 20.12.2025)).

⁴ Всероссийская перепись населения 2002 года. URL: perepis2002.ru/index.html_id=11.html (дата обращения: 20.12.2025); Итоги Всероссийской переписи населения 2010. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html (дата обращения: 20.12.2025); Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 20.12.2025); Пермский край в цифрах. 2022: Краткий статистический сборник. Пермь, 2022. 195 с. URL: [59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Пермский%20край%20в%20цифрах%202022\(3\).pdf](http://59.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Пермский%20край%20в%20цифрах%202022(3).pdf) (дата обращения: 20.12.2025).

20 лет произошло сокращение численности коми-пермяков более чем в два раза, а количество людей, считающим его родным уменьшилось за 10 лет на две трети.

Кроме того, данные Всероссийской переписи населения 2020 г. показывают, что из 50 тыс. коми-пермяков, проживающих в Пермском крае, коми-пермяцким языком владеют 78%, а используют его в повседневной жизни только 69%; при этом русским языком владеют 99%, а используют его в повседневной жизни 96% коми-пермяков⁵. Эти данные говорят о том, что коми-пермяки в подавляющем большинстве являются билингвами, при этом есть люди, которые идентифицируют себя как коми-пермяки, но владеют только русским языком.

Изучение коми-пермяцкого языка в школе не является обязательным для всех жителей округа и осуществляется по заявлению родителей или иных законных представителей обучающихся. Согласно данным опросов жителей Коми-Пермяцкого округа, проведенных в 2004–2005 гг., на родном языке с детьми говорят только 11,5% семей; при этом носители коми-пермяцкого языка часто уверены, что задача сохранения языка должна решаться не в семье, а в школе, но лишь 17,5% из них считают, что дети в округе обязательно должны изучать в школе родной язык [29]. Отметим также, что одной из ключевых проблем использования литературного коми-пермяцкого языка, в том числе и при школьном обучении, является то, что коми-пермяцкий язык распространен в основном в диалектной форме и диалекты могут значительно отличаться от литературного языка.

Подготовка специалистов с высшим образованием по коми-пермяцкому языку до сих пор осуществляется на базе коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, однако набор студентов в 2025 г. был закрыт из-за недобора группы; сейчас доучиваются только ранее набранные группы.

На коми-пермяцком языке издаются печатные издания и ведется теле- и радиовещание, кроме того, в Кудымкаре, центре Коми-Пермяцкого округа, работает Коми-Пермяцкий драматический театр. Однако количество печатных изданий и их тиражи невелики (часто это только отдельные разделы на коми-пермяцком языке в русскоязычных изданиях); телепередачи и программы радио на коми-пермяцком языке смотрят и слушают в основном представители старшего поколения; в репертуаре драматического театра всего несколько спектаклей на коми-пермяцком языке; в интернет-пространстве коми-пермяцкий язык представлен скудно (даже на сайте Коми-Пермяцкого округа вся размещенная информация опубликована на русском языке).

Ситуация осложняется тем, что, по оценкам лингвистов и этнографов, для коми-пермяков характерна двойственная этническая идентичность, размытость и нечеткость этнических границ [30, 31], что приводит к снижению уровня этнической и языковой лояльности.

Описанная ситуация свидетельствует о неблагоприятном состоянии коми-пермяцкого языка. С точки зрения ЮНЕСКО, статус коми-пермяцкого языка с 2010 г. из-за быстрого падения численности говорящих – под угрозой исчезновения (*definitely endangered*). По данным проекта «Языки России» Института языкознания РАН, коми-пермяцкий язык в настоящее время характеризуется как ограниченно сельский – статус, для которого характерны следующие признаки: межпоколенческая передача на заметной территории ареала сообщества преимущественно в сельской местности и в редких случаях – в городских условиях; языковая инфраструктура развита в разной степени, язык функционально ограничен, хотя может иметь статус официального или государственного. Для сохранения таких языков необходимо развивать городскую, официальную, профессиональную сферы использования и образование на этом языке [7].

Таким образом, в настоящее время фиксируется уязвимое состояние коми-пермяцкого языка, и при этом принимаемые усилия по его сохранению и расширению его функционирования

⁵ Всероссийская перепись населения 2020 // Федеральная служба государственной статистики. URL: rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 20.12.2025).

не приводят к желаемому результату. Хотя за последние 15 лет статус коми-пермяцкого языка официально не изменился, описанные процессы могут привести к еще большему ухудшению его статуса, следствием чего может стать языковой сдвиг. Все это свидетельствует о том, что крайне необходимо постоянно отслеживать актуальное состояние коми-пермяцкого языка и уровень его витальности, поскольку нужно прогнозировать происходящие изменения, чтобы не допустить худшего сценария. Таким образом, коми-пермяцкий язык является подходящим объектом для апробации индекса языковой витальности, предложенного в статье.

Материал исследования

Для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка нужны данные о его функциональном статусе и языковой лояльности его носителей. Такие данные были получены с помощью анкетирования⁶. Анкета включала вопросы относительно социальных параметров информантов (этническая принадлежность, возраст, место рождения и жительства, уровень образования, специальность и др.), а также 68 вопросов относительно владения (и уровня владения) коми-пермяцким и русским языками, использования обоих языков в различных сферах общения (семейной и бытовой, образовательной, культурной, СМИ, деловой и т.п.), использования коми-пермяцкого языка в образовании и мотивации детей изучать его, а также относительно планов о межпоколенческой передаче коми-пермяцкого языка; кроме того, в анкету были включены пункты, предусматривающие оценки таких параметров обоих языков, как их престиж, красота, сложность, ценность языка и культуры и др.

Ответы на вопросы относительно использования языков в различных сферах общения были детализированными. Например, варианты ответов на вопрос относительно семейного общения учитывали, какие поколения – старшее, младшее или оба – используют коми-пермяцкий и русский языки в семье; при ответе на вопрос относительно внесемейных сфер общения предлагались разнообразные варианты (с друзьями, на учебе, на работе, в магазине, в больнице, в транспорте, в органах государственной власти и др.). Далее эти ситуации разворачивались с учетом коммуникантов: информанты опрашивались, с кем именно и в какой ситуации: на работе (в рабочей ситуации с коллегами, с начальством, на собраниях и др.), в больнице (в регистратуре, с врачом, с другими посетителями и др.), при обращении в органы государственной власти (личное обращение, по телефону, при подаче заявления и др.) и т. д. – на каком из языков они говорят.

Из всех информантов (более 120 чел.), прошедших опрос, для исследования были отобраны 87 информантов, идентифицирующих себя как коми-пермяки, в возрасте от 16 до 63 лет, родившихся и постоянно проживающих в населенных пунктах Коми-Пермяцкого округа и в Перми: из 87 вошедших в выборку информантов 58 родились и провели детство в сельских поселениях Коми-Пермяцкого округа, 23 – в Кудымкаре (административном центре Коми-Пермяцкого округа), 4 – в Перми, 2 – в других населенных пунктах Пермского края; 53 информанта в настоящее время проживают в сельских поселениях Коми-Пермяцкого округа, 12 – в Кудымкаре, 40 – в Перми⁷. Мы осознаем ограниченность материала и несбалансированность выборки информантов, однако для задачи апробации метода считаем такую выборку достаточной. Более того, поскольку инструмент предназначен для экспресс-оценки состояния языка (а при постоянном мониторинге это крайне важно), он должен работать на не слишком больших выборках и не должен быть трудоемким.

Полученные при анкетировании данные послужили основой для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка. Несмотря на то, что в анкете присутствовали вопросы

⁶ Анкетирование проводилось с августа 2023 г. по апрель 2024 г.

⁷ Часть информантов – это студенты коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского гуманитарно-педагогического университета, которые недавно (не более 3 лет назад) переехали в Пермь и временно проживают в городе. Подчеркнем, что включение в выборку информантов студентов, изучающих коми-пермяцкий язык в вузе, дает возможность учесть максимально лояльно настроенных к языку носителей.

относительно обоих языков – коми-пермяцкого и русского, в данной статье в соответствии с предметом исследования используются результаты опроса, касающиеся только коми-пермяцкого языка, без сопоставления с русским.

Апробация индекса витальности на основе данных анкетирования

Данные для расчета индекса витальности коми-пермяцкого языка формировались на основе анализа ответов информантов.

Для расчета индекса языкового доминирования (I_{dom}) учитывались ответы информантов относительно степени владения коми-пермяцким языком. Количество информантов, свободно говорящих и пишущих на коми-пермяцком языке, составило 54 чел., соответственно, значение индекса, отражающего их долю (%) в общем числе информантов, составило $I_{dom} = 62,1$.

Вычисление индекса языкового выбора (I_{ch}) основывается на данных о количестве информантов, которые используют коми-пермяцкий язык при общении с родителями, поскольку именно общение между родителями и детьми в семье является основным инструментом сохранения и передачи языка. Количество информантов, использующих коми-пермяцкий язык с обоими родителями, составило 65 чел. (74,7% от всех информантов). Соответственно, $I_{ch} = 74,7$.

Индекс языкового разнообразия (I_{var}) складывается из нескольких индексов, которые учитывают доли информантов, использующих коми-пермяцкий язык при общении с отдельными группами родственников: I_{var1} – с представителями старшего поколения (обоими родителями, бабушкой и дедушкой); I_{var2} – с представителями младшего поколения (братьями и сестрами); I_{var3} – с представителями обоих поколений. Распределение ответов на вопрос об использовании коми-пермяцкого языка в данных ситуациях показано на рис. 2.

Таким образом, значения индексов: $I_{var1} = 13,8$; $I_{var2} = 6,9$; $I_{var3} = 69,0$.

Итоговый индекс языкового выбора рассчитывается как среднее значение трех полученных индексов $I_{var} = 29,9$.

Для вычисления индекса языкового предпочтения (I_{pref}) было проанализировано общение в разных сферах функционирования коми-пермяцкого языка:

- при обращении в органы государственной власти;
- в сфере культуры (чтение книг, газет, журналов; просмотр фильмов, сериалов, спектаклей);
- в сфере СМИ (просмотр телевизионных передач, запросы в интернете);
- в социальной сфере (коммуникация в магазинах, банках, больницах, транспорте).

В табл. 2 показаны доли информантов, которые используют коми-пермяцкий язык в данных коммуникативных ситуациях.

Как показывает табл. 2, при обращении в органы государственной власти коми-пермяцкий язык используют менее 1% информантов; наиболее активное использование коми-пермяцкого языка наблюдается в сфере культуры и СМИ – в среднем 17,3% информантов прибегают к нему в данных ситуациях; при социальной коммуникации в городе язык используют 8,6% информантов. Индекс языковой преференции рассчитывается как среднее от полученных значений $I_{pref} = 8,9$.

Индекс языковой преемственности (I_{trans}) показывает долю информантов, указавших, что они обучали, обучают или планируют обучать своих детей коми-пермяцкому языку. Количество таких информантов составило 63 чел. Соответственно, $I_{trans} = 72,4$.

Индекс языковой лояльности (I_{ll}) рассчитывается на основе признания коми-пермяцкого языка родным, а также оценок информантами престижа и ценности коми-пермяцкого языка.

Так, на вопрос относительно того, какой язык является родным для информантов, 78,2% ответили, что родным они считают коми-пермяцкий язык (при этом 8,1% из них назвали родными оба языка – и коми-пермяцкий, и русский).

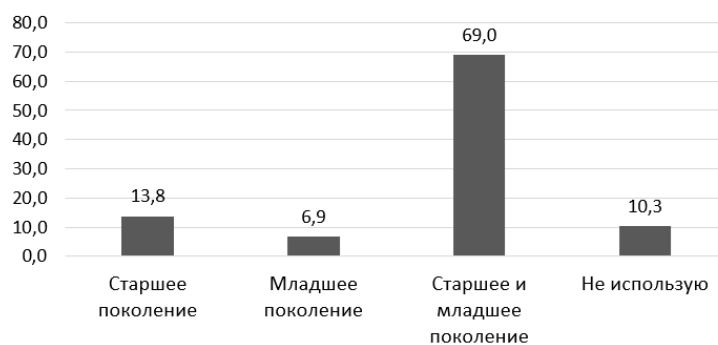

Рис. 2. Использование коми-пермяцкого языка при общении с разными поколениями семьи, %
 Fig. 2. Use of the Komi-Permyak language when communicating with different generations of the family, %

Таблица 2. Количество коми-пермяков, использующих коми-пермяцкий язык в разных сферах, %
Table 2. Number of Komi-Permyaks using the Komi-Permyak language in different spheres, %

Сфера функционирования	Количество коми-пермяков, использующих коми-пермяцкий язык в данной сфере	
	по отдельным сферам	в среднем
Органы государственной власти		0,9
Телевизионные передачи	14,9	17,03
Интернет	2,3	
Фильмы и сериалы	3,4	
Книги	20,7	
Газеты и журналы	12,6	
Спектакли	48,3	
Магазин	17,0	8,6
Банк	2,8	
Больница	6,9	
Транспорт	7,8	

При оценке престижа языка и его ценности использовались 5-балльные шкалы, где 5 – наивысшая, а 1 – наименьшая оценка. Распределения оценок показано на рис. 3.

При оценке престижности только 12,7% и 11,5% информантов отметили высокий уровень престижности коми-пермяцкого языка (оценки «5» и «4» соответственно); почти 37,9% информантов дали нейтральную оценку престижности коми-пермяцкого языка (оценка «3»); 37,9% информантов указали, что коми-пермяцкий не является престижным (оценки «2» и «1»).

На вопрос относительно ценности коми-пермяцкого языка одинаковое количество информантов (по 8%) отметило, что коми-пермяцкий язык является ценным (оценки «5» и «4» соответственно); более трети информантов (35,7%) дали нейтральную оценку (оценка «3»); 38,3% информантов указали, что коми-пермяцкий язык не представляет ценности (оценки «2» и «1»).

Оба распределения показывают, что большинство оценок сдвинуто к правому краю шкалы, т.е. к отрицательным оценкам престижности и ценности коми-пермяцкого языка, что может быть обусловлено ограниченным использованием коми-пермяцкого языка в большинстве общественных сфер. В качестве показателей, используемых для расчета индекса языковой лояльности в обоих случаях, берется сумма долей информантов, поставивших высокие оценки («5» и «4») коми-пермяцкому языку. Таким образом, доля информантов, поставивших высокие

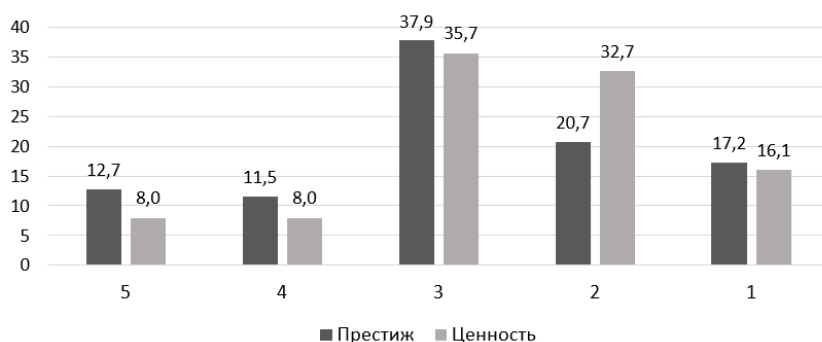

Рис. 3. Распределения оценок престижности и ценности коми-пермяцкого языка, %
 Fig. 3. Distribution of assessments of the prestige and value of the Komi-Permyak language, %

оценки по престижности, – 24,2%, а доля информантов, поставивших высокие оценки по ценности, – 16%.

Индекс языковой лояльности рассчитывался как среднее арифметическое от трех указанных параметров и составил $I_{ll} = 39,5$.

Для определения коэффициента сокращения численности населения в данном случае использованы данные Всероссийских переписей населения за 2002, 2010 и 2020 гг., согласно которым численность коми-пермяков за период, прошедший между переписями 2002 г. и 2010 г., сократилась на 22% (т.е. коэффициент численности сокращения составил 0,78%), а за период, прошедший между переписями 2010 г. и 2020 г., – на 38% (т.е. коэффициент численности сокращения составил 0,62%). Более высокое значение коэффициента в первый период позволяет внести поправку в коэффициент, полученный для второго периода в сторону его небольшого увеличения. Поэтому примем значение коэффициента сокращения численности носителей коми-пермяцкого языка равным 0,65.

Получив значения всех частных индексов и коэффициента сокращения численности населения, можем рассчитать общий индекс витальности коми-пермяцкого языка в настоящее время:

$$LVI = \frac{I_{dom} + I_{ch} + I_{var} + I_{pref} + I_{trans} + I_{ll}}{6} \times k;$$

$$LVI = \frac{62,1 + 74,7 + 29,9 + 8,9 + 78,2 + 39,5}{6} \times 0,65 = 31,7.$$

Полученный индекс витальности коми-пермяцкого языка свидетельствует о низкой степени витальности коми-пермяцкого языка в настоящее время.

С одной стороны, значение индекса совпадает с оценкой витальности коми-пермяцкого языка, данной ЮНЕСКО и проектом РАН «Языки России», и подтверждает статус коми-пермяцкого языка как находящегося под угрозой, что говорит о надежности предлагаемого инструмента. В то же время значение индекса показывает, что язык находится в середине интервала, характеризующего низкий уровень витальности: он не близок к средней степени витальности, но пока не достиг черты, за которой начинается языковой сдвиг. Все это говорит о необходимости срочной работы с языком.

С другой стороны, частные индексы, входящие в состав основного, позволяют выделить именно те компоненты языковой ситуации, которые оказываются наиболее слабыми и уязвимыми. В данном случае наименьшими частными индексами оказываются индекс языкового

предпочтения, индекс языкового выбора и индекс языковой лояльности. Это говорит о том, что уязвимыми оказываются как объективные (функциональный статус коми-пермяцкого языка), так и субъективные (языковая лояльность носителей) компоненты языковой ситуации. Более того, хотя самым низким индексом оказывается индекс языкового предпочтения, характеризующий общение во внесемейных сферах, индекс языкового разнообразия, определяющий состояние общения в семье, также весьма мал, что показывает уязвимость функционального статуса коми-пермяцкого языка во всех коммуникативных ситуациях. Невелико значение и индекса языковой лояльности, отражающего субъективные оценки языка его носителями. Совокупность этих параметров, очевидно, может привести язык к состоянию, пограничному к языковому сдвигу.

Таким образом, предложенный вариант индекса витальности оказывается удобным и информативным инструментом по оценке жизнеспособности языка, который не просто оценивает уровень витальности, но и указывает на первоочередные направления работы по поддержке языка.

Заключение

Языки, которые в настоящее время находятся под угрозой исчезновения, могут быть очень разными: от бесписьменных сельских языков с небольшим количеством носителей до литературных языков, число носителей которых измеряется десятками тысяч и которые имеют статус официальных (или даже государственных). К последним относится коми-пермяцкий язык, большинство носителей которого проживает в Пермском крае. Положение коми-пермяцкого языка уже несколько десятилетий ухудшается. Несмотря на действия властей, направленные на сохранение и защиту коми-пермяцкого языка и культуры, происходит заметное сокращение количества носителей коми-пермяцкого языка и сокращение его социальных функций, уровень его витальности снижается.

В такой ситуации актуальной задачей является регулярное отслеживание функционального статуса и витальности языка, которое требует удобных, позволяющих достаточно быстро получать информацию о текущем состоянии языка инструментов, фиксирующих изменения витальности языка. В качестве подобного инструмента в статье предлагается вариант индекса языковой витальности. Предлагаемый индекс основан на идеологии индекса языковой витальности Г. Экстра и его соавторов, но интегрирует большее количество (а именно шесть) частных индексов, отражающих базовые составляющие языковой ситуации: функциональный статус языка, включающий уровень владения языком (I_{dom}), его использование в семье (I_{ch} и I_{var}) и во внесемейных сферах общения (I_{pref}), межпоколенческую передачу (I_{trans}), а также языковую лояльность (I_{ll}), отражающую ценность и престижность языка для его носителей. Важной особенностью предложенного индекса витальности языка является то, что при анализе семейной коммуникации вводятся отдельные частные индексы, оценивающие общение с родителями (I_{ch}) и общение с разными поколениями родственников (I_{var}), что опосредованно затрагивает межпоколенческую передачу языка. Охват разных сторон языковой ситуации в частных индексах делает данный вариант индекса более надежным и устойчивым к влиянию сторонних факторов.

Кроме того, предлагаемый индекс включает, в отличие от известных, не просто демографическую мощность группы носителей языка, а индекс сокращения количества носителей (k), величина которого в данной работе определяется на основе данных о сокращении количества коми-пермяков в течение последних 20 лет. Естественно, что в отличие от прочих параметров формулы индекса языковой витальности, коэффициент сокращения численности должен определяться для каждого конкретного языка индивидуально.

На основе данных, полученных в результате анкетирования коми-пермяков относительно использования коми-пермяцкого языка в разных коммуникативных ситуациях и оценок его

престижности и ценности, были получены шесть частных индексов и общий индекс витальности коми-пермяцкого языка, который оказался равен 31,7, что показывает низкий уровень витальности.

Тем не менее полученное значение индекса свидетельствует о том, что коми-пермяцкий язык пока не приблизился к границе, за которой начинается языковой сдвиг, поэтому еще не поздно принимать меры, направленные на его витализацию. Значения частных индексов демонстрируют, какие именно компоненты коммуникативной ситуации страдают в настоящее время. К сожалению, в ситуации с коми-пермяцким языком эти компоненты затрагивают и семейное, и внесемейное общение, и субъективные параметры, формирующие языковую лояльность. Это делает язык более уязвимым, чем в том случае, если бы низкими оказались индексы, формируемые одним из параметров.

Хотя в статье не ставилась цель предложить конкретные меры по витализации коми-пермяцкого языка, полученные частные индексы показывают, что в данном случае необходима работа по укреплению языка с точки зрения расширения его использования в органах государственной власти и в городском неформальном общении. Но прежде всего необходима более сложная работа — работа с семьями, внушение необходимости домашнего общения со всеми членами семьи на коми-пермяцком языке, а также привитие ценности коми-пермяцкого языка и культуры молодому поколению, иначе язык, особенно с учетом быстрого сокращения численности носителей, может быстро перейти к состоянию языкового сдвига.

В заключение хочется отметить, что предложенный индекс языковой витальности может использоваться для разных языков, что может стать перспективой исследования. Сопоставление индекса витальности в целом и его составляющих у разных языков поможет лучше понять механизмы сохранности и утраты языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dressler W. Language death // *Language: The socio-cultural context* / ed. by F.J. Newmeyer. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 184–192.
2. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П., Коряков Ю.Б., Мордашова Д.Д., Покровская С.В., Поливанов К.К., Ренковская Е.А., Халилова З.М., Шейфер К.О. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // *Вопросы языкознания*. 2022. № 4. С. 7–47. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47
3. Grenoble L.A., Whaley L.J. *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p. DOI: 10.1017/CBO9780511615931
4. Broeder P., Extra G. *Language, Ethnicity, and Education: Case Studies on Immigrant Minority Groups and Immigrant Minority Languages*. Clevedon; Philadelphia; Toronto; Sydney; Johannesburg: Multilingual Matters, 1999. 130 p.
5. Extra G., Yağmur K. Mapping immigrant minority languages in multicultural cities // *Mapping Linguistic Diversity in Multicultural Contexts* / ed. by M. Barni, G. Extra. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 139–162. DOI: 10.1515/9783110207347.3.139
6. UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages. *Language Vitality and Endangerment*. Paris, 2003. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/00120-EN.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).
7. Харитонов В.С., Иванов В.В., Каде М.А. Статусы языковой витальности // Проект «Языки России». URL: <https://jazykirf.iling-ran.ru/Statuses.shtml> (дата обращения: 03.12.2026).
8. Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M. Towards a theory of language in ethnic group relations // *Language, Ethnicity and Intergroup Relations* / ed. by H. Giles. London: Academic Press, 1977. P. 307–348.
9. Сулейменова Э.Д. Глобализация и языковая политика // *Полилингвильность и транскультурные практики*. 2020. Т. 17, № 1. С. 112–120. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120
10. Хилханова Э.В. Витальность и перспективы миноритарных языков: оценочно-прогностические теории и grassroots movements в цифровую эпоху // *Языки в полиэтническом государстве:*

- развитие, планирование, прогнозирование. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 233–237. DOI: 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-233-237
11. **Ehala M.** Hot and cold ethnicities: modes of ethnolinguistic vitality // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2011. Vol. 32, Iss. 2. Pp. 187–200. DOI: 10.1080/01434632.2010.541919
 12. **Сулейменова Э.Д.** Витальность казахского языка и языковое планирование // *Вестник Казахского Национального университета. Серия филологическая*. 2011. № 2. С. 7–13.
 13. **Ehala M.** An Evaluation Matrix for Ethnolinguistic Vitality // *Rights, Promotion and Integration Issues for Minority Languages in Europe* / ed. by S Pertot, T. Priestly, C. Williams. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 123–137. DOI: 10.1007/978-0-230-23375-1_8
 14. Stewart W. A sociolinguistic typology for describing national multilingualism // *Readings in the Sociology of Language*. 1968. Iss. 3. P. 531–545.
 15. **McConnell G.D.** A model of language development and vitality // *Indian Journal of Applied Linguistics*. 1996. Iss. 1. P. 33–47.
 16. **Гунжитова Г.Ц.** Факторы витальности бурятского языка // *Филология: научные исследования*. 2020. № 12. С. 41–49. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34511
 17. **Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова В.А.** Языки Южной Сибири в динамике социального контекста. Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2022. 160 с.
 18. **Roche G.** Linguistic Vitality, Endangerment, and Resilience // *Language, Documentation & Conservation*. 2017. Vol. 11. P. 190–223.
 19. **Кондрашкина Е.А.** Влияние психологического фактора на витальность языка // *Вопросы психолингвистики*. 2018. № 3 (37). С. 22–35. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35
 20. **Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В.** Динамика языкового поведения и языковых убеждений в контексте языковой политики Республики Хакасия // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2019. № 11. С. 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72
 21. **Krauss M.** Chapter 1. Classification and Terminology for Degrees of Language Endangerment // *Language Diversity Endangered* / ed. by M. Brenzinger. Berlin; New York: Mouton De Gruyter, 2007. Pp. 1–8. DOI: 10.1515/9783110197129.1
 22. **Lewis M.P., Simons G.F.** Assessing endangerment: Expanding Fishman’s GIDS // *Revue Roumaine de Linguistique*. 2010. Vol. 55, Iss. 2. P. 103–120.
 23. Engage Language Project. URL: <https://endangeredlanguages.com/about-catalogue> (дата обращения: 20.12.2025).
 24. **Lee N.H., Way J.V.** Assessing levels of endangerment in the Catalogue of Endangered Languages (ELCat) using the Language Endangerment Index (LEI) // *Language in Society*. 2016. Vol. 45, Iss. 2. P. 271–292. DOI: 10.1017/S0047404515000962
 25. *Urban Multilingualism in Europe: Immigrant Minority Languages at Home and School* / ed. by G. Extra, K. Yağmur. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2004. 428 p.
 26. **Pérez Rodríguez S., Vande Castele A., Vosters R.** Spanish as Immigrant Minority Language in Brussels: A Pilot Study on Maintenance and Vitality // *Languages*. 2025. Vol. 10, Iss. 5. Art. no. 113. DOI: 10.3390/languages10050113
 27. **Budiono S.** Testing Language Vitality Instruments: Falsification and Language Status Evaluation // *Journal of Languages and Language Teaching*. 2025. Vol. 13, No. 1. Pp. 242–254. DOI: 10.33394/jollt.v13i1.12680
 28. **Bourhis R.Y., Giles H., Rosenthal D.** Notes on the construction of a “subjective vitality questionnaire” for ethnolinguistic groups // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1981. Vol. 2, Iss. 2. P. 144–155. DOI: 10.1080/01434632.1981.9994047
 29. **Шабаев Ю.П., Денисенко В.Н., Шилов Н.В.** Языковая политика в регионах проживания финно-угорских народов Российской Федерации: поиск модели // *Регионоведение*. 2009. № 2 (67). С. 296–309.
 30. **Лаллукка С.** Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. СПб.: Европейский Дом, 2010. 336 с.
 31. **Михалева А.В.** Этноконфессиональная идентичность коми-пермяков Пермского края // *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. 2016. № 5. С. 26–37.

REFERENCES

- [1] **Dressler W.**, Language death, *Language: The socio-cultural context*, ed. by F.J. Newmeyer, Cambridge University Press, Cambridge, 1988. P. 184–192.
- [2] **Kazakevich O.A., Budyanskaya E.M., Evstigneeva A.P., Koryakov Y.B., Mordashova D.D., Pokrovskaya S.V., Polivanov K.K., Renkovskaya E.A., Khalilova Z.M., Sheifer K.O.**, Language vitality scales and their applicability to specific language situations, *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the Study of Language)*, 4 (2022) 7–47. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.4.7-47
- [3] **Grenoble L.A., Whaley L.J.**, *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*, Cambridge University Press, Cambridge, 2006. DOI: 10.1017/CBO9780511615931
- [4] **Broeder P., Extra G.**, *Language, Ethnicity, and Education: Case Studies on Immigrant Minority Groups and Immigrant Minority Languages*, Multilingual Matters, Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg, 1999.
- [5] **Extra G., Yağmur K.**, Mapping immigrant minority languages in multicultural cities, *Mapping Linguistic Diversity in Multicultural Contexts*, ed. by M. Barni, G. Extra, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2008. P. 139–162. DOI: 10.1515/9783110207347.3.139
- [6] UNESCO Ad Hoc Expert Group on Endangered Languages, *Language Vitality and Endangerment*, Paris, 2003. Available at: <https://ich.unesco.org/doc/src/00120-EN.pdf> (accessed 20.12.2025).
- [7] **Kharitonov V.S., Ivanov V.V., Kade M.A.**, Statusy yazykovoy vitalnosti [Language vitality statuses], Projekt “Yazyki Rossii” [Project “Languages of Russia”]. Available at: <https://jazykirf.iling-ran.ru/Statuses.shtml> (accessed 03.12.2026).
- [8] **Giles H., Bourhis R.Y., Taylor D.M.**, Towards a theory of language in ethnic group relations, *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*, ed. by H. Giles, Academic Press, London, 1977, pp. 307–348.
- [9] **Suleimenova E.D.**, Globalization and Language Policy, *Polylinguality & Transcultural Practices*, 17 (1) (2020) 112–120. DOI: 10.22363/2618-897X-2020-17-1-112-120
- [10] **Khilkhanova E.V.**, Vitality and Prospects of Minority Languages: Evaluative and Predictive Theories and Grassroots Movements in the Digital Age, *Yazyki v polietnicheskom gosudarstve: razvitiye, planirovaniye, prognozirovaniye* [Languages in a Multi-Ethnic State: Development, Planning, Forecasting], BSC SB RAS, Ulan-Ude, 2019, pp. 233–237. DOI: 10.31554/978-5-7925-0559-9-2019-233-237
- [11] **Ehala M.**, Hot and cold ethnicities: modes of ethnolinguistic vitality, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 32 (2) (2011) 187–200. DOI: 10.1080/01434632.2010.541919
- [12] **Suleymenova E.D.**, Vitalnost kazakhskogo yazyka i yazykovoye planirovaniye [Vitality of the Kazakh language and language planning], *Eurasian Journal of Philology: Science and Education*, 2 (2011) 7–13.
- [13] **Ehala M.**, An Evaluation Matrix for Ethnolinguistic Vitality, Rights, Promotion and Integration Issues for Minority Languages in Europe, ed. by S Pertot, T. Priestly, C. Williams, Palgrave Macmillan, Basingstoke, 2008, pp. 123–137. DOI: 10.1007/978-0-230-23375-1_8
- [14] **Stewart W.**, A sociolinguistic typology for describing national multilingualism, *Readings in the Sociology of Language*, 3 (1968) 531–545.
- [15] **McConnell G.D.**, A model of language development and vitality, *Indian Journal of Applied Linguistics*, 1 (1996) 33–47.
- [16] **Gunzhitova G.**, Factors of vitality of the Buryat language, *Philology: scientific researches*, 12 (2020) 41–49. DOI: 10.7256/2454-0749.2020.12.34511
- [17] **Borgoyakova T.G., Guseinova A.V., Pokoyakova K.A.**, *Languages of Southern Siberia in the Dynamics of Social Context*, Katanov Khakass State University, Abakan, 2022.
- [18] **Roche G.**, Linguistic Vitality, Endangerment, and Resilience, *Language, Documentation & Conservation*, 11 (2017) 190–223.
- [19] **Kondrashkina E.A.**, Influence of Psychological Factors on the Vitality of a Language, *Journal of Psycholinguistics*, 3 (37) (2018) 22–35. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35
- [20] **Borgoyakova T.G., Guseinova A.V.**, Dynamics of Linguistic Behaviour and Linguistic Views in the Context of Language Policy in the Republic of Khakassia, *Philology. Theory & Practice*, 11 (2019) 342–347. DOI: 10.30853/filnauki.2019.11.72
- [21] **Krauss M.**, Chapter 1. Classification and Terminology for Degrees of Language Endangerment, *Language Diversity Endangered*, ed. by M. Brenzinger, Mouton De Gruyter, Berlin, New York, 2007, pp. 1–8. DOI: 10.1515/9783110197129.1

[22] **Lewis M.P., Simons G.F.**, endangerment: Expanding Fishman’s GIDS, *Revue Roumaine de Linguistique*, 55 (2) (2010) 103–120. DOI: 10.1017/CBO9780511783364.003

[23] Engage Language Project. Available at: <https://endangeredlanguages.com/about-catalogue> (accessed 20.12.2025).

[24] **Lee N.H., Way J.V.**, Assessing levels of endangerment in the Catalogue of Endangered Languages (ELCat) using the Language Endangerment Index (LEI), *Language in Society*, 45 (2) (2016) 271–292. DOI: 10.1017/S0047404515000962

[25] *Urban Multilingualism in Europe: Immigrant Minority Languages at Home and School*, ed. by G. Extra, K. Yağmur, Multilingual Matters, Clevedon, Buffalo, Toronto, 2004.

[26] **Pérez Rodríguez S., Vande Castele A., Vosters R.**, Spanish as Immigrant Minority Language in Brussels: A Pilot Study on Maintenance and Vitality, *Languages*, 10 (5) (2025) 113. DOI: 10.3390/languages10050113

[27] **Budiono S.**, Testing Language Vitality Instruments: Falsification and Language Status Evaluation, *Journal of Languages and Language Teaching*, 13 (1) (2025) 242–254. DOI: 10.33394/jollt.v13i1.12680

[28] **Bourhis R.Y., Giles H., Rosenthal D.**, Notes on the construction of a “subjective vitality questionnaire” for ethnolinguistic groups, *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 2 (2) (1981) 144–155. DOI: 10.1080/01434632.1981.9994047

[29] **Shabaev Yu.P., Denisenko V.N., Shilov N.V.**, Language Policy in the Regions of Living of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation, *Russian Journal of Regional Studies*, 2 (67) (2009) 296–309.

[30] **Lallukka S.**, *Komi-permyaki i Komi-Permyatskiy okrug [Komi-Permyaks and Komi-Permyak District]*, Yevropeyskiy Dom, St. Petersburg, 2010.

[31] **Mikhaleva A.V.**, Ethnoreligious Identity of Komi-Permyaks in Perm Krai, *Perm Federal Research Centre Journal*, 5 (2016) 26–37.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ерофеева Елена Валентиновна

Elena V. Erofeeva

E-mail: elenerofee@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6659-6519>

Тюленёва Александра Михайловна

Alexandra M. Tyuleneva

E-mail: tuleneva.aleksa@yandex.ru

Поступила: 10.01.2026; Одобрена: 16.03.2026; Принята: 24.03.2026.

Submitted: 10.01.2026; Approved: 16.03.2026; Accepted: 24.03.2026.